

Анастасия Цветаева

..... МЕМУАРЫ • XX ВЕК

МЕМУАРЫ • XX ВЕК

**Анастасия
Цветаева**

.....
Воспоминания



Москва
АСТ

Дом-музей
Марины
Цветаевой

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ц 27

Художник Андрей Бондаренко

Издательство благодарит Дом-музей Марины Цветаевой
за помощь в подготовке издания.

В книге использованы фотоматериалы из архива Дома-музея Марины Цветаевой.

Цветаева, Анастасия Ивановна.

Ц 27 Воспоминания / Анастасия Цветаева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной : Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. — 877, [3] с. : ил. — (Мемуары — XX век).

ISBN 978-5-17-091795-2 (ООО “Издательство АСТ”)
ISBN 978-5-93015-168-8 (ГУК “Дом-музей Марины Цветаевой”)

АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА (1894-1993) — прозаик; сестра поэта Марины Цветаевой, дочь И.В. Цветаева, создателя ГМИИ им. А.С. Пушкина. В своих “Воспоминаниях” Анастасия Цветаева с ностальгией и упоением рассказывает о детстве, юности и молодости. Эта книга о матери, талантливой пианистке, и об отце, безоглядно преданном своему Музею, о московском детстве и годах, проведенных в европейских пансионатах (1902–1906), о юности в Тарусе и литературном обществе начала XX века в доме Волошина в Коктебеле; о Марине и Сергее Эфроне, о мужьях Борисе Трухачеве и Маврикии Минце; о детях — своих и Марининых, о тяжелых военных годах. Последние две главы посвящены поездке в Сорренто к Горькому и поиску места, где похоронена сестра.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-091795-2 (ООО “Издательство АСТ”)
ISBN 978-5-93015-168-8 (ГУК “Дом-музей Марины Цветаевой”)

© Оформление ООО “Издательство АСТ”
© “Дом-музей Марины Цветаевой”

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕТСТВО

часть первая. Россия	II
часть вторая. Италия	101
часть третья. Швейцария	138
часть четвертая. Германия	163
часть пятая. Крым	191

ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ

часть шестая. Отрочество. Снова Москва	237
часть седьмая. Москва. Таруса	255
часть восьмая. Москва и Таруса	280
часть девятая. Москва. Саксонская Швейцария	316
часть десятая. Юность. Москва. Крым. Москва	361

МОЛОДОСТЬ

часть первая. Москва. Петроград	565
часть вторая. Москва	609

ПОЕЗДКА К ГОРЬКОМУ. ВСТРЕЧА С МАРИНОЙ	681
---	-----

ПОСЛЕДНЕЕ О МАРИНЕ	783
--------------------------	-----

Указатель имен и произведений	839
-------------------------------------	-----

Посвящаю моей сестре

..... Марине Цветаевой

..... Детство

Россия

Глава I

Фотография из маминого дневника.

Первое выступление Муси в музыкальной школе.

Ранние воспоминания. Голоса Москвы. Шарманщик

В моей памяти — унесенная жизнью фотография четырехлетней Муси, двухлетней Аси.

Большелобое, круглое лицо старшей, на котором вспыхивают мне зеленью, в сером тоне фотографии, глаза Марины, взрослый взгляд на детском лице, уже немного надменный сквозь растерянность врожденной близорукости.

Взгляд чуть вбок — на сверкающее на тонкой цепочке граненое сердечко — не е е, а маленького существа рядом.

Объектив фотоаппарата поймал это мгновение: польхнувшее к чужому — аметисту ли, хризолиту? — как мотылек — к свече.

И лицо рядом — младенческое, детские губы, своей мягкостью оттеняющие твердый, волевой абрис т е х; волосы — чуть вьющийся пушок. Родственное сходство черт.

Первое воспоминание о Марине. Его нет. Ему предшествует чувство присутствия ее вокруг меня, начавшееся в той мгле, где родятся воспоминания.

Давнее, как я, множественное, похожее на дыхание: наше “вдвоем”, полное ее, Мусино, старшинства, своеволия, силы, превосходства, презрения к моей младости, неумениям и ревности к матери. Наше “вместе” — втроем, полное гордости матери своим первенцем, крепким духом, телом и нравом; полное любования и жалости к младшей, много болевшей.

В этом жарком течении плыло наше детство.

Марина родилась 26 сентября 1892 года в Москве. Я — 14 сентября 1894 года там же.

Когда меня еще не было на свете, в детской стояли две кровати: Андрюши, круглобрового, кареглазого, и его сводной сес-

тры Муси, круглолицей, с русыми волосиками и глазами цвета крыжовника.

Мама Мусю не смогла кормить. Ей взяли кормилицу. Мусина кормилица была цыганка, нрав ее был крутой. Когда бабушка, мамин отец, подарил ей позолоченные серьги, она, в ярости, что не золотые, бросила их об пол и растоптала.

В мамином дневнике много лет спустя мы прочли: “Четырехлетняя моя Маруся ходит вокруг меня и все складывает слова в рифмы — может быть, будет поэт?”

Крестная мать Муси, Надежда Александровна Сытенко, красавица, светловолосая и синеглазая, жившая недалеко от нас в Мамоновском переулке, пригласила к себе крестницу. В комнатах со шкурами зверей на полу, с зимним садом и летающими птицами мама сказала Мусе: “Ничего не трогай, не урони со стола мелочей”. Вскоре четырехлетняя Муся, молча, громко дыша от натуги, перетащила через комнату тяжелое кресло. На всеобщее удивление она отвечала, что мама запретила ей трогать мелкие вещи. “Приходи, Мусенька, — звала в конце визита Надежда Александровна, — у нас твои любимые конфеты, комнаты большие, есть где побегать...” — “Комнаты и у нас большие, — ответила Муся со вздохом, — а вот конфеты у мамы заперты...”

Рассказ мамы о первом Мусином театре: в антракте, в ложе Большого театра, не перегибаясь через ее край, думаю, от страха глядеть вниз, а может быть, от природной близорукости не видя ничего, кроме края балкона, Муся, наслаждаясь апельсином, сосредоточенно отколупывала сильными пальцами тугую золотистую шкурку и кидала ее вниз, в партер.

Мнится мне, что мое самое раннее воспоминание — солнечный синий день, наш переулок (Трехпрудный), я стою на скамеечке, врезанной в нишу рядом с воротами. Няня поправляет синюю вуальку, спуская ее на лицо от очень яркого солнца и слепящего снега. На мне белая шубка, тоже сверкающая. От этого сверкания и синевы — чувство счастья.

Мне было год четыре месяца, когда мама повезла фотографировать меня на Кузнецкий Мост, к Фишеру.

Записей о нас было в мамином дневнике много, но — все книги дневника погибли. Записи привожу по памяти. Не раз вспоминала мама смешной случай: она ехала со мной лет трех на конке. На остановке кондуктор крикнул: “Кузнецкий Мост!” — “И вечные французы!” — добавила я. Раздался смех пассажиров,

оглядывались — взглянуть на младенца, цитировавшего “Горе от ума”.

Еще из маминого дневника: мы (пять лет и три года) играем — Муся продает, я покупаю.

— Пацём? — спрашивает Ася.

М у с я: Я — задаром продаю!

А с я: Как дорого!

Марина росла, как растет молодой дубок.

Андрюша (наш сводный брат, старше Муси на два года) был выше ее, но она с ним справляется, она сильная. (В пылу драк каждый из нас имеет свою специальность: Андрюша “щипается”, Муся кусается, а я царапаюсь.)

Муся хвасталась уменьями, недоступными Андрюше и мне: складывать язык трубочкой, шевелить ушами и разводить веером и двигать по желанию пальцами на ногах. Мы очень старались, не выходило, смотрели на Мусю с почтением и завистью.

Детская. Вечер. Нас троих одевают куда-то, к кому-то, Мусины русые волосы распущены, чья-то рука их связывает лентой. Ее светлые зеленые глаза, с немного высокомерным взглядом, блестят — она сейчас будет дразнить или что-то выдумывает. Но сейчас — некогда. Обе наши головы нетерпеливо, как кони от мух, отмахиваются от надеваемых на нас кружевных, больших, по плечи, крахмальных воротничков, нашей мўки. Андрюша уже готов. На нем коричневый костюмчик, а на мягком поясе — фарфоровая пряжка с нарисованной головкой маркизы. Он очень хорош. Я люблюсь его большими карими глазами, круглыми бровками. Но Муся, лицо которой я не могу воспринять отдельно от себя, как воспринимаю Андрюшино, — родней, нужнее, неотъемлемее: это сама я, мы.

Другой вечер — в музыкальной школе В.Ю. Зограф-Плаксиной в Мерзляковском переулке. В ученическом концерте выступила учившаяся там Муся. Ей было семь лет. Мать учила ее с шести или пяти: рука была большая, способности же ее были — праздник для мамы, страстного музыканта и прекрасной пианистки. Детство наше полно музыкой. У себя на антресолях мы засыпали под мамину игру, доносившуюся снизу, из зала, игру блестящую и полную музыкальной страсти. Всю классику мы, выросши, узнавали как “мамино” — “это м а м а играла”. Бетховен, Моцарт, Гайдн, Шуман, Шопен, Григ... Под их звуки мы уходили в сон.

И вот — первое выступление Муси! Когда я увидела ее на эстраде, с распущенными по плечам русыми волосами, собранными надо лбом, под бант, в платье в мелкую зеленую, черную и белую клеточку, со спокойным, как будто ленивым достоинством сидевшую, как взрослая, за роялем и, не обращая внимания на зал, глядевшую на клавиши; когда я услышала ее игру и всеобщую похвалу ей — сердце раскрылось такой нежностью к старшей подруге игр, так часто кончавшихся дракой, что я иначе не могу назвать мое чувство в тот вечер, как состоянием влюбленности.

Я никого, кроме нее, не видела. Я не сводила с нее глаз. Я не понимала, как до сих пор не видела ее такой, не восхищалась и не гордилась ею. Старшие потом говорили, что, равнодушная к залу, чувствуя только рояль и себя, она начала было привычно считать вслух: “...раз и, два и” — но, увидев знаки Валентины Юрьевны или мамы, стала играть без счета.

Дома, ночью, я помню ее всё такую же: широкое, высокое родное лицо, глаза — цвета крыжовника, победные и немного насмешливые.

Я не знала, чем выразить нежность и как удержать ее в грусти детских буден, ссор и всего, что придет завтра. Это завтра пришло. Тот вечер — в сердце каким-то цветением радости...

Мы идем — няня и я — по Патриаршим прудам. Справа — пруд за изгородью. У няни в руках оловянная птичка. Она купила ее своим племянникам Коле и Ване. Боль расставания с птичкой еще сильнее от безысходности: хотеть ее себе, когда Коля и Ваня ждут ее, — нельзя. Тусклый блеск олова, очертания птицы томят меня нестерпимо! Няня меня уложит и унесет птичку — им...

С Мусей и няней я сижу в их детской у стола под висячей лампой с большим плоским, снизу белым, кругом. Мы перелистываем картонные листы книги, перерезанной на три части; собираем странное существо с головой, например, гуся, туловищем почтальона с сумкой и ногами девочки в башмачках, или — голова мальчика, туловище птицы, лапы кошки. Сочетаний было множество, интересу не было конца и восхищению, как ловко и точно были пригнаны очертания фигур друг к другу.

Из игр того времени помню еще — блестящие листы плотной бумаги, которую надо было равномерно зачеркивать карандашом: и тогда на глянце проявлялись затейливые рисунки — пара овечек, девочка с корзиной, домик с деревьями.

Другая игра состояла из мягких, гнущихся медных листов с узкими вырезами. Держа лист на бумаге, надо было обводить карандашом вырезы — и на бумаге получалась картинка. Но едва ли не чудеснее всего были китайские или японские цветные, будто бы деревянные или соломенные, легкие на руке кусочки: бросишь в блюдце с водой — расцветают в китайских человечков, в цветы, зонтики, веера. Их, как лакомство, нам совала старшая сестра Лёра, любившая все красивое и необычное, в минуту, когда надоедало вешать на края таза бумажки — “желанья”, к которым подплывал горящий огарок в ореховой скорлупе, или когда после сидения в платяном чулане (мамино наказание) было так трудно жить.

Уж прискучили сияющие феерической зелены, фиолетовые с розовым и серебряным блеском (лопаются все, не удержишь) мыльные пузыри! И в миг, когда звали — есть, спать, — мокрое дно блюдца расцветало волшебной китайской жизнью ослепительных цветных миниатюр...

И еще были игры с магнитом. Он был колдовской. Его приносил Андрюша. И было имя — его кто-то сказал: “Математик Магницкий”...

Кажется, еще целую жизнь проживи, не забудешь вкуса, запаха и уюта накрошенных в блюдечке теплого молока калача или булки. И никогда — думаю, ни одного разу за жизнь, — не было, чтобы сочетание молока и белого хлеба не вернуло память к тем дням, к тому часу детского отхода ко сну.

Из раннего детства помню еще вечера в зале с Августой Ивановной, высокой немкой с пучком на макушке, наш бег в такт подпеваемой нами песенке:

Fuchs! Du hast die Gans gestohlen,
Gib sie wieder her!
Sonst wird dich der Jäger holen
Mit dem Schießgewehr.

(“Лиса! Ты украла гуся, отдай его назад! Или тебя достанет охотник своим ружьем”.)

И любимая песенка Августы Ивановны:

Ach, du lieber Augustin,
Augustin, Augustin!

Глупый, подмигивающий, веселый мотив.